

Татьяна Григорьевна Солтановская

ТАКТИКА Ж.-П. МАРАТА

**В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ
И БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ЗА СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ**

Французский ежегодник 1959

М.: Наука. 1960. С.121-155

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2011](#)

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Деятельность Марата — одного из вождей французской буржуазной революции конца XVIII века — оставила глубокий след в истории революционных движений. Будучи представителем буржуазной демократии, деятелем левого крыла якобинцев, он с самого начала революции боролся за ее углубление и дальнейшее непрерывное развитие. Марат постоянно связывал решение политических вопросов с вопросами социальными. Он выступал защитником интересов широких народных масс, которые в ходе революции разрушили основы феодализма, уничтожили остатки средневековья. Он считал своим долгом бороться за продолжение революции до тех пор, пока оставались неудовлетворенными требования неимущих и малоимущих классов.

Система взглядов Марата и его роль в революции нашли отражение в советской исторической литературе¹.

В данной статье, не исследуя других сторон деятельности Марата, мы остановим свое внимание главным образом на вопросах тактики, так как именно тактические принципы, получившие свое полное развитие во время революции, составляют наиболее революционную часть его взглядов.

Тактика Марата высоко оценивалась классиками марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс в статье «Маркс и «Новая Рейнская Газета» (1848—1849)» писал: «...Мы во многих отношениях бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами), «друга народа»..., подобно нам, он не считал революцию завершенной, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной»².

¹ См. В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, стр. 256—272; его же. Социальные и политические взгляды Марата. В сб. «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 559—573; В. М. Далин. Бабеф и Марат в 1789—1790 гг. «Вопросы истории», 1956, № 9; А. З. Манфред. Жан-Поль Марат и его произведения. Вступит. статья к Избранным произведениям Ж.-П. Марата. Т. I, М., 1956, стр. 7—72; А. М. Деборин. Социально-политические учения нового времени М. 1958, стр. 501—522. В. Фридлянд. Жан Поль Марат и гражданская война XVIII в 2-е издание. М., 1959.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1952, стр. 317.

Основными задачами революции Марат считал установление политического равенства и улучшение материального благосостояния народа. Находясь все время среди плебейских слоев Парижа и будучи связан через свою газету «Друг народа» с широкими массами Франции, Марат стал одним из первых идеологов революционно-демократического лагеря.

В первые месяцы революции Марат, как и многие другие деятели буржуазной демократии, верил, что происходит сближение всех классов третьего сословия, объединенных общими интересами³. Но внимательно наблюдая за развивавшимися событиями, за поведением и деятельностью представителей различных классов третьего сословия в Учредительном собрании, Марат вскоре увидел и глубоко осознал противоположность интересов различных групп третьего сословия в революции. «Эта противоположность интересов, разделяющая различные классы граждан, — писал Марат позже, — ...беспокоила меня с первых же дней революции»⁴.

Марат выступал против утверждений, что вся нация совершила революцию. «Неверно, что вся нация в целом выступила против деспота, — писал он в июле 1792 г., — ибо он по-прежнему окружен своими приспешниками — дворянством, духовенством, судьями в мантии, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их ставленниками»⁵. В своих статьях он много раз подчеркивал, что революция была совершена и поддержана «...только низшими классами общества: рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледельцами, плебсом, неимущими...»⁶. Но они от революции ничего или почти ничего не получили. В самом третьем сословии, которое разделилось на два противостоящих друг другу лагеря, идет борьба. Неимущие выступают за углубление и продолжение революции, а «имущие люди», т. е. крупная буржуазия, которая заручилась доверием народа и использовала его силы, «чтобы занять место изгнанных или привилегированных сословий»⁷, считают, что революция должна на этом закончиться.

Важнейшим средством, при помощи которого можно добиться осуществления задач революции, Марат считал всеобщее вооруженное восстание всего народа. В ходе революции он много раз призывал массы к вооруженному восстанию. Вся тактическая линия Марата в период деятельности как Учредительного, так и Законодательного собраний была рассчитана на осуществление этих задач.

* * *

Законодательное собрание начало свою работу 1 октября 1791 года в Париже. Оно было избрано на основе цензовой избирательной системы по Конституции 1791 года, установившей двухстепенные выборы. Выборщики, которые должны были избрать депутатов Законодательного собрания, сами избирались активными гражданами на первичных собраниях, проходивших в первой половине июня 1791 г. Следовательно, первый тур выборов происходил до бегства короля, когда королевская власть не была еще полностью дискредитирована в народ-

³ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 1, стр. 274.

⁴ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 46; «L'ami du peuple», N 556. 21 septembre 1791.

⁵ Ж.-П. Марат. Указ. соч., стр. 82; «L'ami du peuple», N 667, 7 juillet, 1792

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ных массах. Второй тур выборов происходил в августе-сентябре 1791 г., т. е. уже после вареннского кризиса. Измена короля, его связь с явными контрреволюционерами дала сильный толчок росту республиканских настроений⁸ не только в Париже, но и в провинции.

Учредительное собрание, напуганное возможностью крушения буржуазно-монархического строя и цензовой конституции 1791 года, всеми силами старалось спасти и укрепить монархию. Оно выступило против тех, кто требовал низложения короля. Объясняется это неизбежными колебаниями и непоследовательностью буржуазии в революции. В. И. Ленин писал, что «...буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е., чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее. путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии)...»⁹.

На исход выборов в Законодательное собрание оказали влияние, с одной стороны, развивавшееся республиканское движение, и особенно первая республиканская манифестация на Марсовом поле, а с другой — усиление правительственной реакции после июльского расстрела.

Правящая крупная буржуазия во время выборов выдвинула лозунг — «революция окончена», «революция должна остановиться». Но этот лозунг противоречил интересам народных масс, которые видели контраст между тем, что было провозглашено после взятия Бастилии, и тем, что осуществлено. Сохранение монархии, деление граждан на «активных» и «пассивных», цензовая избирательная система, запрещение рабочих союзов и стачек, оправдание короля-изменника, расстрел республиканских демонстрантов на Марсовом поле — все это противоречило принципам, провозглашенным Декларацией прав человека и гражданина. Вполне естественно, что народные массы повели борьбу против нарушения этих принципов. В городах эта борьба проявлялась в росте республиканских и демократических выступлений, а в деревне — в новом подъеме крестьянских волнений. Особенно большой патристический подъем охватил население Франции после вареннского кризиса.

Крупная буржуазия, стремившаяся полностью захватить власть в свои руки и оградить ее от нападков как слева, так и справа, возлагала

⁸ Позиция Марата по вопросу о республике на протяжении всего вареннского кризиса была путаной и печеткой. В эти дни многие представители буржуазной демократии требовали установления республики во Франции, Марат же не поддерживал этого требования. Он призывал народ не к свержению монархии, а к разгону Учредительного собрания. Только под влиянием расстрела 17 июля на Марсовом поле и других уроков кризиса Марат выдвинул новую совершенно четкую программу: народное восстание для свержения монархии. Однако отношение Марата к республике оставалось противоречивым. Для успешного восстания он требовал избрать «верховного диктатора, военного трибуна» (Ж.-П. Марат Указ. соч., т. 3, стр. 9; «L'ami du peuple», N 497, 22 juin 1791). Эта мысль появилась у Марата еще в 1790 г.; он ее много раз повторяет и позже, в период выступлений против Законодательного собрания и особенно во время борьбы с жирондистами в Конвенте в 1792—1793 гг.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 34.

большие надежды на новое Законодательное собрание. Среди кандидатов в депутаты было много представителей крупной буржуазии, разбогатевших на спекуляции хлебом, продаже церковных имуществ и других махинациях. Эти кандидаты были заинтересованы в том, чтобы выборы в Законодательное собрание означали окончание революции. В таком направлении и велась крупной буржуазией предвыборная агитация.

Марат выступал против избрания в Законодательное собрание сторонников конституционной монархии, представителей крупной буржуазии, «врагов революции». В одной из многих статей, касающихся этого вопроса, он писал, обращаясь к населению столицы: «...изо всех сил выступайте против сообщников старого порядка и назначайте выборщиками друзей свободы, неподкупных, которые должны бороться против установления деспотизма...»¹⁰. Он просил всех патриотов направлять ему сведения о врагах революции, которые в результате первого тура были избраны выборщиками.

Марат получал много писем от патриотов различных секций Парижа, в которых они сообщали другу народа фамилии аристократов и крупных буржуа, назначенных выборщиками в Законодательное собрание. В одном из писем, полученных Маратом от граждан секции Нотр-Дам, указывалось, что бывшие аристократы и крупные буржуа «объединяются с целью совместного назначения выборщиков, чтобы избрание представителей в Законодательное собрание оказалось в их руках»¹¹.

18 июня Марат получил письмо от патриота секции Французского театра, который писал: «Прочтя ваше предложение о том, чтобы сообщать вам и другим писателям-патриотам свои замечания в отношении происков врагов революции, имеющих место во всех секциях при назначении выборщиков в новое собрание, я постараюсь удовлетворить это требование и посылаю вам список членов монархического клуба, назначенных выборщиками...»¹². В списке, приложенном к этому письму, указаны имена бывших аристократов, шпионов, подкупленных Мотье¹³, крупных буржуа. В последующих номерах Марат продолжает печатать списки, получаемые из различных секций столицы, с указанием фамилий врагов революции, избираемых в Законодательное собрание; 19 и 21 июня печатаются списки из секции Французского театра (всего 74 фамилии), из секции Кенз-Вэн¹⁴. Подобные списки мы находим в «Друге народа» и в июле-августе 1791 г. Отметим, что Марат обращался ко всем писателям-патриотам, чтобы они также занялись выяснением и освещением этого важного вопроса.

В связи с репрессиями, начавшимися после расстрела на Марсовом поле 17 июля, газета Марата выходила с большими перерывами. С 1 по 15 августа вышло только пять номеров. В этих номерах, как и в последующих, Марат выступает с критикой будущего Законодательного собрания. Уже в первом номере, выпущенном после разгрома типографии, он пишет: «Напрасно вы надеетесь, что с приходом к власти Законодательного собрания наступят счастливые дни... перестаньте возлагать на него большие надежды, потому что ваши коварные пред-

¹⁰ «L'ami du peuple», N 492, 17 juin 1791.

¹¹ Ibidem.

¹² «L'ami du peuple», N 494, 19 juin 1791.

¹³ Мотье Лафайет (Marie Joseph Paul Gilbert Motier de La Fayette).

¹⁴ «L'ami du peuple», N 494, 19 juin и N 496, 21 juin 1791.

«ставители отложили выборы до того времени, пока королевство полностью не попадет в руки врагов»¹⁵. Через две недели Марат снова пишет о том же, «Бедные патриоты, вы надеетесь на новое Законодательное собрание и не видите, что с уничтожением патриотической партии оно будет также разрушено, как и то, которое оно заменит (т. е. Учредительное. — *T. C.*)»¹⁶.

Внимательно наблюдая за ходом выборов в Законодательное собрание и действиями Учредительного собрания, доживающего свои последние дни, Марат все больше приходит к выводу, что Законодательное собрание ничем, по существу, не будет отличаться от Учредительного, так как избираемые депутаты являются сторонниками монархии и «врагами революции».

При обсуждении в Учредительном собрании окончательного текста конституции много внимания уделялось вопросу о созыве Конвента для изменения, в случае необходимости, конституции. Для Марата, убежденного в том, что без вооруженного восстания не обойтись, такая постановка вопроса была неприемлема. Где гарантия, что Конвент будет состоять из патриотов? Это зависит от того, кем и когда он будет избран.

«В стремлении исправить недостатки конституции и восстановить свободу, — пишет Марат, — нация напрасно обращает свои взоры к новому Законодательному собранию, которое будет не менее продажно, чем собрание нынешнее.

Напрасно также некоторые легкомысленные мечтатели предложили созыв национальных конвентов... они превосходны для исправления незначительных изъянов хорошей конституции, для усовершенствования ее.

При современном же положении вещей... надо бороться, ибо свобода приобретается только в борьбе... надо действовать, чтобы окончательно избавиться от врагов революции...»¹⁷.

Марат приходит к выводу: не Законодательное собрание, не Конвент, а только победоносная революция решает вопрос. «Свободу можно завоевать только в борьбе», — пишет он¹⁸. (Правда, в ходе развития революции отношение Марата к Конвенту меняется.) Таким образом, по мнению Марата, вопрос о продолжении и углублении революции, о свержении монархии путем всеобщего народного восстания остается на повестке дня. В этом же номере газеты Марат снова возвращается к идее установления диктатуры «просвещенного и неподкупного вождя»¹⁹.

В связи с утверждением Конституции 1791 года Марат снова высказывает свои взгляды по вопросу о суверенитете народа. Он пишет, что данная Конституция не может являться основным законом нации, так как нация ее не принимала и не утверждала. По его глубокому убеждению «...только народу принадлежит право судить о законах, установленных его уполномоченными, одобрять их или отклонять; только ему принадлежит право изменять законы, которые ему не подходят.

¹⁵ Ibid., N 525, 7 août 1791.

¹⁶ Ibid., N 536, 24 août 1791.

¹⁷ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 37; «L'ami du peuple», N 542, 30 août 1791.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 38. По этому же вопросу см. «L'ami du peuple», N. 556, 21 septembre, 1791.

Пока он их не санкционировал, их нужно рассматривать только как законопроекты, а не как законы...»²⁰.

Народ Франции, считает Марат, ни в коем случае не должен соглашаться с ограничением своих прав, а «должен потребовать... отмены всех декретов, нарушающих суверенитет нации и права ее граждан. Нет необходимости ждать, чтобы опыт показал пороки принятой Конституции, нужно требовать ее изменения!»²¹. Она является «постыдным памятником рабства и угнетения»²².

Большой недостаток Конституции, по мнению Марата, заключается в том, что она не устанавливает зависимость короля от парламента. А между тем парламент должен ежегодно субсидировать королю средства на управление государством и на содержание армии. Если в Англии, пишет Марат, король полностью зависим в финансовом отношении от парламента, то французская Конституция этого не требует²³. Поэтому новая Конституция еще больше усиливает власть Людовика XVI. Он больше не законодатель, но зато является хозяином законодателей, он не составляет теперь законов, но он приказывает их составлять и сваливает на составителя декретов всю ненависть, которую мог бы вызвать против себя несправедливыми и произвольными декретами. При старом режиме государственные доходы считались достоянием короля и он тратил их по своему усмотрению, оставаясь в глазах народа виновным в злоупотреблениях. При новом режиме в его руках верховное управление национальными имуществами, заведывание финансами, ключи от государственной казны, печатный станок, изготовляющий бумажные деньги. И поскольку король непосредственно не распоряжается государственными средствами, постольку он может расходовать их по своему усмотрению, не подвергаясь риску навлечь на себя недовольство за эту расточительность²⁴.

Таким образом, Конституцию, которая, по мнению буржуазных деятелей, устанавливала свободу во Франции, Марат подвергает резкой критике с позиций левого демократа — выразителя интересов широких народных масс, недовольных развитием событий.

Но не только Марат выступал с критикой создавшегося в стране положения. На одном из последних заседаний Учредительного собрания по этому вопросу с большой речью выступил Робеспьер, много раз прерываемый правыми депутатами. Свою речь он закончил словами: «Нам придется или впасть в прежнее рабство, или снова взяться за оружие...»²⁵. Следовательно, не только Марат, но и якобинцы, которые шли в большинстве за Робеспьером, выступали за продолжение революции вооруженным путем.

Несмотря на то, что и Робеспьер и Марат считали необходимой дальнейшую борьбу за развитие победоносной революции, между ними имелись существенные расхождения в оценке сложившегося в стране положения и в тактических приемах борьбы.

Робеспьер сам указывал на эти расхождения. Вспоминая о своей встрече с Маратом летом 1791 г., Робеспьер говорил: «Разговор шел об

²⁰ «L'ami du peuple», N 544, 3 septembre 1791.

²¹ Ibidem.

²² «L'ami du peuple», N 548, 7 septembre 1791.

²³ Ibidem.

²⁴ Ж-П. Марат Указ. соч., т. 3, стр. 39—40; «L'ami du peuple», N 554. 15 septembre 1791.

²⁵ «Moniteur», 3 septembre 1791.

общественных делах, о которых он мне говорил с отчаянием. Я сказал ему все, что о нем думают даже наиболее пылкие патриоты, а именно, что он сам стал препятствием для того хорошего, что могли бы принести полезные истины, развиваемые в его произведениях, потому что он упорно и постоянно возвращается к таким чрезвычайным насильственным предложениям, как предложение срубить пятьсот — шестьсот преступных голов, а это вызывает возмущение как друзей свободы, так и сторонников аристократии. Он хотел защищать свое мнение, а я настаивал на своем; я должен признать, что он нашел мои политические взгляды очень узкими; через некоторое время, когда он возобновил издание своей газеты, он, сообщая об этом разговоре, заявил буквально, что расстался со мной твердо убежденный в том, что у меня «нет ни взглядов, ни мужества государственного человека»²⁶.

Таким образом тактика Марата в 1791 г. отличалась от тактики Робеспьера и в некоторых отношениях была более последовательной.

В первые дни работы Законодательного собрания у Марата все же возникают некоторые иллюзии. Он решает дать депутатам несколько советов, благодаря которым должны быть исключены ошибки прежнего собрания. Во-первых, Марат считает необходимым ввести личную ответственность членов каждого из комитетов за обман, клевету, сокрытие документов, подлог и т. д. Во-вторых, все важные государственные решения, все принятые декреты должны немедленно опубликовываться в печати. В особенности это должно касаться всех финансовых вопросов, чтобы народ знал о положении финансов в стране и смог предотвратить повторение Законодательным собранием пагубных ошибок своего предшественника. Все законопроекты должны публиковаться за две недели до того, как они будут поставлены на обсуждение. Это позволит избежать принятия поспешных и плохих решений. В-третьих, необходимо установить, что никакие вопросы не должны обсуждаться тайно по комитетам, что в любое время каждый депутат Законодательного собрания имеет право наблюдать за работой комитетов, вносить свои дополнения, критиковать их и опубликовывать фамилии членов комитетов, настаивающих на принятии декретов, враждебных благонации. Комитеты расследований и докладов вообще надо распустить, так как их действия в прошлом были направлены на запутывание дел и сокрытие происков врагов революции²⁷.

Марат, внимательно следивший за работой Законодательного собрания, видел, что в нем отсутствует единство, но он не дошел и не мог

²⁶ «Moniteur», t. XIV, p. 390. Весной 1792 г. Марат, вспоминая об этой встрече с Робеспьером, писал, что он тогда сказал Робеспьеру: «Узнайте, что если бы я мог рассчитывать на народ в столице, то после ужасного декрета против гарнизона Нанси я перебил бы каждого десятого из числа варварских депутатов, которые его издали. Узнайте, что после следствия Шатле о событиях 5 и 6 октября я сжег бы на костре несправедливых судей этого подлого трибунала. Узнайте, что, если бы после резни на Марсовом поле я нашел две тысячи человек, воодушевленных чувствами, раздиравшими мою душу, я бы, стоя во главе их, заколол кинжалом генерала среди его батальона разбойников, сжег деснота в его дворце и посадил на кол наших отвратительных представителей на их же местах, как я в свое время им и заявил». Эти слова, отмечает Марат, произвели на Робеспьера сильное впечатление. «Робеспьер слушал меня в ужасе, он поблудел и некоторое время молчал. Это свидание укрепило мое мнение, которое всегда у меня о нем было, что он соединяет знания мудрого сенатора с честностью подлинно добродетельного человека и рвением настоящего патриота, но ему в равной степени не хватает дальновидности и мужества государственного деятеля» (Ж.-П. Марат. Указ соч., т. 3, стр. 79).

²⁷ «L'ami du peuple», N 567, 5 octobre 1791.

дойти до понимания того, что политические группировки в нем отражают интересы различных классов в революции. Правда, Марат приближается иногда к классовому подходу к общественным явлениям, но в этих вопросах его взгляды очень неясны и путаны.

Он указывает на наличие трех группировок в Законодательном собрании. Первая — горячие патриоты, настоящие друзья свободы, борющиеся только за счастье нации и видящие единственное вознаграждение за свои труды в славе общественных деятелей.

Вторая группа состоит из людей с предрассудками, которые не понимают еще национального достоинства и продолжают унижаться перед баловнями судьбы, из общественных усыпителей, которые больше всего боятся политических потрясений, могущих нарушить их благополучие; из эгоистов, готовых гнаться за богатством и жертвовать ради него долгом и честью.

В третью группировку входят все министерские прислужники, порочащие сенат, люди без веры, стыда, закона, слепо подчиняющиеся двору, готовые предать свою родину, друзей и отцов за малейшую милость. К ним относятся почти все депутаты Парижа — Эро, Мюло, Годары, Боскари, Гувиионы, Пасторе и др.²⁸

Наблюдая за работой собрания, Марат с сожалением отмечает, что сбываются его предсказания о нежелании депутатов разрешить важнейшие задачи революции. Когда на третьем заседании депутаты поклялись сохранить в неприкосновенности выработанную предыдущим собранием Конституцию, лишившую подавляющее большинство населения Франции политических прав, Марат заявил, что новые «отцы отечества» стоят не дороже старых и от них можно ожидать только «нищеты, разорения и ограничения в правах». А немного позже он высказывается еще более резко: «Новое Законодательное собрание не менее гнило, чем первое»²⁹. Он пишет, что собрание обмануло все надежды и ожидания, а его депутаты «спешат соединиться с двором, чтобы установить деспотизм, открыто способствуют предателям родины, уничтожают общественную свободу»³⁰. Из номера в номер своей газеты он вновь повторяет, что видит лишь одно средство установить порядок в государстве — вооруженное восстание. «Как ни ужасны несчастья гражданской войны, они менее грозны, чем деспотизм. В том страшном положении, в котором находится наша родина, она может только надеяться на нее (т. е. на гражданскую войну. — *T. C.*)»³¹. По мнению Марата, в стране имеются все условия для победоносного вооруженного восстания: население страны настроено патриотично, особенно в провинциях, увеличивается число сторонников революции, борьба французов против своих тиранов будет сигналом борьбы за свободу для всех народов мира³².

Законодательное собрание должно было разрешить ряд трудных задач, связанных с развитием революции как вширь, так и вглубь. В стране усилилось аграрное движение, так как аграрный вопрос — основной вопрос революции — не был разрешен, не были изжиты продовольственный и экономический кризисы. Городская беднота волновалась

²⁸ Ж П Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 54—55; «L'ami du peuple», N 570, 8 octobre 1791.

²⁹ «L'ami du peuple», N 568 6 octobre 1791.

³⁰ Ibid., N 572, 12 octobre 1791.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem.

из-за недостатка и дороговизны продуктов. Дворянство продолжало агитацию за восстановление сильной монархической власти; развернули контрреволюционную деятельность неприсягнувшие священники; король вел секретную переписку с иностранными державами об интервенции, с каждым днем усиливалась угроза войны с Австрией и Пруссией.

Законодательное собрание не спешило с разрешением этих особо важных вопросов. Крупная буржуазия считала, что революция закончилась и надо только укрепить полученную Конституцию.

«Уже более трех недель, — писал Марат в конце октября, — как Законодательное собрание открыло свои заседания, но оно не приняло еще ни одного важного декрета... Оно теряет время на установление регламентов работы своих комитетов, принимает визиты или выслушивает сообщения важных министров; дает аудиенции; выслушивает льстивые, восхваляющие его адреса; бесполезные речи своих депутатов, проповеди жонглеров и т. д. Отрывая у себя время на различные второстепенные вопросы, оно не занимается важными делами»³³.

В первые месяцы заседаний Законодательного собрания особенно остро стоял вопрос об усилившейся эмиграции и надвигавшейся войне с европейскими феодально-абсолютистскими государствами. Жирондисты, имевшие в Законодательном собрании большое влияние, уже с первых его заседаний подготавливали общественное мнение Парижа и страны к необходимости войны с европейскими странами, принимавшими эмигрантов.

Марат еще в начале 1791 г. выступал против эмиграции, но по совершенно другим причинам, чем жирондисты. Особенно много внимания уделяет он этому вопросу в октябре-декабре 1791 г. В одной из статей он писал: «Офицеры и другие недовольные бегут в австрийские провинции, увозя с собой звонкую монету. Внутренние враги сговариваются с врагами внешними. Об этом сообщают якобинцам многие патриотические общества»³⁴. По мнению Марата, правительство должно вести борьбу против эмигрантов, но при этом необходимо строго различать категории эмигрантов, нужно провести грань «между запуганными гражданами, подлыми дезертирами и вероломными изменниками»³⁵. Марата беспокоила политика Законодательного собрания, не принимавшего никаких мер против эмигрантов, собиравшихся на границах Франции. Он помещает в газете сообщения о том, что со времени принятия Конституции эмиграция увеличилась в пять раз и только в австрийской Фландрии число эмигрантов достигло более 50 тыс.³⁶

Марат писал, что иностранные державы готовятся к наступлению на Францию: «Говорят, что 35-тысячный прусский корпус должен отправиться в Вестфалию для помощи австрийским войскам, которые начнут операции вместе с эмигрантами... А наше собрание не принимает никаких мер перед лицом этих тревожных приготовлений...»³⁷.

Требуя решительных мер против эмигрантов офицеров. Марат писал, что Законодательное собрание должно принять декрет, по которому все офицеры, получившие отставку, были бы навсегда вычеркнуты из списков, без права восстановления, а все военные, покинувшие свои

³³ «L'ami du peuple», N 583, 26 octobre 1791.

³⁴ Ibid., N 579, 19 octobre 1791.

³⁵ Ibid., N 582, 25 octobre 1791.

³⁶ Ibid., N 580, 20 octobre 1791.

³⁷ Ibidem.

посты без разрешения, были бы осуждены как дезертиры. Он предлагал немедленно создать военные суды в Ниме, Лилле, Страсбурге и других городах для осуждения и наказания преступников. Марат заканчивал свою статью такими словами: «Покидать родину, когда она в опасности — преступление!»³⁸. Поэтому Марат высоко оценил выступление жирондиста Изнара, который потребовал наказания эмигрировавших прищцев, злоумышлявших против родины³⁹.

Марат писал, что речь Изнара «сверкает мудростью»⁴⁰.

Против все увеличивавшейся эмиграции и ее контрреволюционных действий все больше и больше выступают и демократические газеты, и левая часть Законодательного собрания (жирондисты). Под давлением общественного мнения 9 ноября Законодательное собрание вынуждено было принять предложенный Дюкастелем декрет против эмигрантов⁴¹. Правая группировка собрания выразила протест против декрета, но потом вынуждена была согласиться, так как боялась обвинения в потворстве вооруженному заговору против страны. Король же отказался утвердить этот декрет⁴².

Марат в отчете о заседании собрания, на котором происходило обсуждение отказа короля утвердить этот декрет, с глубоким возмущением пишет, что не нашлось ни одного депутата, который выступил бы с критикой позиции короля, продолжавшего свою прежнюю контрреволюционную политику, и делает вывод: следовательно, если депутаты собрания не воспротивились вето короля, то они сами с ним согласны. Собрание, считает Марат, должно было немедленно лишить короля исполнительной власти и объединить вокруг себя всех подлинных патриотов для защиты интересов революции⁴³. Проводимая же собранием политика лишает его всякой поддержки со стороны демократически настроенных жителей столицы и всей страны.

Марат вновь призывает к бдительности и предупреждает о возможности нового бегства короля. По его глубокому убеждению, задача сейчас заключается в том, чтобы население Парижа внимательно следило за действиями реакционных депутатов, чтобы все секции, объединившись вокруг депутатов-патриотов, открыли свои заседания и заставили собрание выполнить декрет против эмигрантов, лишить короля его функций и начать судебное дело против министров⁴⁴.

С резкими обвинениями против короля и двора выступил и Прюдом в своих «Парижских революциях». Он обвинил Людовика XVI в покровительстве эмигрантам, в злоупотреблении правом вето, в том, что он не утверждает декретов, одобряемых народом, хотя и не перестает повторять, что делает все в интересах народа. Королевскому вето газета противопоставляла Декларацию прав, которая санкционировала право граждан сопротивляться угнетению⁴⁵. Статья заканчивалась следующими словами: «Видно, что так называемая искренность короля лишь насмешка. Но если на нас нападут, не будем очень считаться с Людови-

³⁸ «L'ami du peuple», N. 583, 26 octobre 1791.

³⁹ Ph. J. B. Buchez et P. C. Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, Paris, 1834—1838, t. 12, p. 199.

⁴⁰ «L'ami du peuple», N. 589, 4 novembre 1791.

⁴¹ «Archives parlementaires», t. 34, p. 724—725.

⁴² Ibid., p. 27.

⁴³ «L'ami du peuple», N. 600, 15 novembre 1791.

⁴⁴ «L'ami du peuple», N. 601, 16 novembre 1791.

⁴⁵ Ph. J. B. Buchez et P. C. Roux. Op. cit., t. 12, p. 243—252

ком XVI и его вето и будем защищаться с мужеством народов, имеющих счастье жить без короля»⁴⁶.

В противоположность жирондистам и Прюдому, которые критиковали только Людовика XVI, не упоминая ни словом о Законодательном собрании, Марат выступил как против короля, так и против пассивной позиции Законодательного собрания. Марат не ограничился разоблачением политики собрания. Он призывал к борьбе всех патриотов против враждебных действий Людовика XVI и потворствующих ему депутатов Законодательного собрания.

Поддерживая мнение о необходимости борьбы против эмигрантов и требуя принятия против них серьезных мер, Марат, вместе с тем, остается верен своей идее, что все это будет напрасно, если останется король и послушное ему Законодательное собрание. Главная задача, по его мнению, заключается в борьбе против королевской власти. Поэтому не следует приходить в восторг от проектов и постановлений собрания, а «необходимо приготовиться к гражданской войне, которая неизбежна, необходимо, прежде всего, уничтожить наших внутренних врагов, только уничтожив их, мы получим возможность успешно действовать против внешних врагов, как бы многочисленны они ни были»⁴⁷. Таким образом, Марат по-прежнему считает вооруженное восстание единственным средством борьбы против внутренних врагов революции — короля и контрреволюционно настроенных депутатов собрания. Только после уничтожения внутренних врагов можно будет успешно вести борьбу против врагов внешних. Этой идеей проникнуто большинство его статей 1791 и 1792 гг.

После принятия декрета против эмигрантов в Законодательном собрании открылись прения по проекту декрета против неприсягнувших священников, которые вели по всей стране реакционную пропаганду, выступали против Конституции, не допускали к таинствам лиц, купивших национальные имущества, изгоняли присягнувших священников, а часто и убивали их. Марат уделял серьезное внимание этому вопросу.

8 октября 1791 г. Марат писал о полученных им письмах, в которых сообщалось, что в департаментах Верхнего и Нижнего Рейна неприсягнувшие священники подняли смуты, в результате которых было убито несколько патриотов⁴⁸. Из другого департамента сообщали, что неприсягнувшие священники «ходили несколько дней с оружием и зарезали без всякой вины нескольких патриотов»⁴⁹.

Такие же сведения поступали и в Законодательное собрание, кроме того указывалось, что местные власти не только не принимают никаких мер против этого, но и сами потворствуют реакционным священникам⁵⁰. 6 ноября на заседании Законодательного собрания был прочитан адрес депутации департамента Майенн и Луары, в котором говорилось о начавшемся контрреволюционном мятеже. Число мятежников достигало 3—4 тыс. человек. Руководили восстанием неприсягнувшие священники. Восставшие выступали с оружием в руках против национальной гвардии, местных властей и конституционных священников, оскорбляя и убивая их даже у алтаря. Депутация просила собрание принять срочные меры⁵¹.

⁴⁶ Ibid., p. 251—252.

⁴⁷ «L'ami du peuple», N. 597, 12 novembre 1791.

⁴⁸ Ibid., N. 570, 8 octobre 1791.

⁴⁹ Ibid., N. 581, 22 octobre 1791.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ph. J. В Buchez et P. C. Roux. Op. cit., t. 12, p. 131--132.

Контрреволюционные выступления неприсягнувших священников охватили всю страну. Законодательное собрание уже на одном из первых своих заседаний вынуждено было под давлением народа поставить на обсуждение этот вопрос⁵². После продолжительных и бурных прений 29 ноября был принят декрет против неприсягнувших священников. Людовик XVI, подстрекаемый реакционными министрами, решил наложить вето и на этот декрет.

Обобщая свои наблюдения за поведением крупной буржуазии в Законодательном собрании и вне его, а также за действиями короля и его министров в отношении неприсягнувших священников и в других вопросах, Марат писал: «Если декрет о неприсягнувших священниках не будет принят, то виновато в этом будет само собрание... Разложение его зашло так далеко, что король может принимать любые реакционные контрмеры против его декретов»...⁵³.

Обращаясь к депутатам собрания, Марат писал: «Представители французского народа! Дрожите, если у вас еще есть угрызения совести. Скоро, скоро время разорвет завесу, прикрывающую ужасные махинации агентов деспотизма...»⁵⁴.

Марат считал, что только новое «одновременное восстание во всем королевстве, в результате которого будут уничтожены все общественные враги и их пагубные декреты, изгнан король со всеми его сторонниками, сможет спасти положение. Для этого необходимо вооружить все население государства»⁵⁵. Он, как и раньше, выступает за дальнейшее развитие революции путем вооруженной борьбы, а не путем реформ и компромиссов.

В декабре 1791 г. газета Марата помещает много петиций, направленных как в собрание, так и самому Марату, с протестом против вето короля на законы об эмигрантах и неприсягнувших священниках и против всей политики собрания. Например, 14 декабря в газете были помещены петиции секций Круа-Руж, Обсерватории, Кордельеров, Монконсей и других с протестом против вето Людовика XVI⁵⁶. Жители Сент-Ангуанского предместья в своем адресе писали, что собрание своим поведением вынуждает их подняться на борьбу, и уверяли Марата в том, что их обязанностью является умереть, чтобы защитить свободу и родину!⁵⁷ Марат полностью солидаризируется с этими гражданами.

Но призывы Марата, как и других писателей-демократов, не были в этот момент восприняты как сигнал к немедленному восстанию. Марат с горечью восклицает: «О безумная нация! Почему ты не отказалась от своей пустой болтовни, не последовала советам твоего друга, не вооружилась... и не покончила с теми, которые все время нагло восстают против тебя? Если вы не выступите, то свобода для нас потеряна и потеряна безвозвратно!»⁵⁸

Но до восстания было еще далеко, оно произошло только в августе 1792 г.

В конце 1791 г. все больше назревает конфликт между революционной Францией и феодально-монархической Европой. Поэтому Законо-

⁵² Ph. J. B. Buchez et P. C. Roux. Op. cit., t. 12, p. 76.

⁵³ «L'ami du peuple», N. 602, 17 novembre 1791.

⁵⁴ Ibid., N. 604, 20 novembre 1791.

⁵⁵ Ibid., N. 613, 30 novembre 1791.

⁵⁶ Ibid., N. 626, 14 decembre 1791.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 59; «L'ami du peuple», N. 626, 14 decembre 1791.

дательное собрание наряду с обсуждением острых вопросов внутренней политики большое внимание уделяет внешнеполитическим проблемам.

Вопросы, связанные с войной, обсуждались в Законодательном собрании, в Якобинском клубе и в прессе всех направлений. Единодушного мнения не было; отношение к войне было далеко не одинаковым у вождей различных политических группировок.

Марат в октябре 1791 г. еще не определил вполне отчетливо своей позиции, но счел нужным отмежеваться от Бриссо. В октябре он писал в «Друге народа»: «Я не согласен с соображениями г. Бриссо о наших политических отношениях с иностранными нациями, которые мы должны считать враждебными, исходя из тех обид, какие терпят от них французы — друзья свободы...»⁵⁹ В дальнейшем позиция Марата по вопросу о войне была близка к взглядам Робеспьера.

Политика Законодательного собрания в октябре-ноябре вызывала возмущение Марата. С одной стороны, произносились воинственные речи, призывающие к войне, а с другой, не предпринималось никаких мер для защиты французских границ и вооружения пограничных отрядов. Марат посвятил весь номер своей газеты за 12 октября состоянию французских вооруженных сил и крепостей. «Защита наших границ, которые не укреплены, поручена подозрительным начальникам. Солдаты родины безоружны, крепости без боеприпасов...», — писал Марат. Он возмущался тем, что «депутаты собрания остаются глухи к сигналам патриотов о злоупотреблениях комендантов крепостей... они (т. е. депутаты собрания. — Т. С.) закрывают глаза на отсутствие амуниции и оружия у солдат родины... закрывают глаза на ужасное состояние наших границ... Мотье, превративший армию парижан в преторианские легионы, теперь едет обрабатывать регулярную армию»⁶⁰.

Марат считал, что пока король находится во Франции, иностранные державы войны не начнут. Еще в октябре он писал: «Как бы ни торопились наши враги, война раньше весны не произойдет»⁶¹. Главной задачей в условиях того времени он считал борьбу с внутренними врагами: «Лишь уничтожив их, мы получим возможность успешно действовать против наших внешних врагов, как бы многочисленны они ни были»⁶².

1 декабря появляется статья Марата, в которой он критикует воинственную политику собрания и открывает энергичную кампанию против пропагандируемой жирондистами войны. Подробно разобрав речь депутата из Нижнего Рейна, выступавшего за принятие решительных мер по отношению к имперским князьям, которые предоставили убежище эмигрантам, и требовавшего начать войну Франции против мелких княжеств и графств, Марат пишет: «Вот речь, произнесенная, наверное, подкупленным мошенником, для того, чтобы направить собрание по гибельному и неблагодарному пути, ведущему к разрыву с несколькими мелкими князьями империи, после чего нам придется скоро иметь дело со всеми их союзниками»⁶³. При этом Марат высказывает сожаление, что до сих пор мало уделял внимания этому вопросу: «Я очень

⁵⁹ «L'ami du peuple», N. 582, 25 octobre 1791.

⁶⁰ Ibid., N. 572, 12 octobre 1791.

⁶¹ Ibid., N. 573, 13 octobre 1791.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibid., N. 614, 1 decembre 1791.

боюсь, что патриоты попадут в ловушку и я дрожу от того, что само собрание, побуждаемое жонглерами, продавшимися двору, согласится увлечь нацию в пропасть»⁶⁴.

В это же время еженедельник Приюдома тоже начинает бороться против воинственной политики Бриссо и его сообщников. В номере «Парижских революций» от 3 декабря напечатано: «Станьте сначала свободными внутри страны, избавьтесь от внутренней тирании, представляющей непосредственную опасность, вместо того, чтобы устремляться за границу против сомнительных опасностей»⁶⁵.

В номере от 17—24 декабря «Парижские революции» писали: «Нисколько не удивительно, что король, министры и двор хотят войны, что аристократия хочет войны, что фанатики хотят войны, что все враги свободы хотят войны, ибо война может лишь способствовать осуществлению их убийственных намерений; но как понять, что многие патриоты также хотят войны, что мнения патриотов относительно войны могут расходиться»⁶⁶.

Таким образом, тактике жирондистов, стремившихся, по ряду причин, развязать войну, противостояла тактика демократов, справедливо полагавших, что надо сначала покончить с внутренней контрреволюцией, а не играть ей на руку, приближая сроки войны.

В начале 1792 г. против усиленной подготовки войны министрами, двором и частью депутатов собрания вели борьбу «Парижские революции» и некоторые якобинцы, среди которых выделяется Робеспьер, изложивший свои взгляды на войну в двух речах, произнесенных в Якобинском клубе 18 декабря 1791 г. и 11 января 1792 г.⁶⁷ Марата в это время не было во Франции⁶⁸.

В феврале 1792 г. Якобинский клуб, в котором в ту пору большое влияние имели жирондисты, обратился с посланием к своим членам, предупреждая их о том, что во многих департаментах назревают контрреволюционные заговоры; в послании говорилось, что спасение отечества зависит от того, будут ли приняты решительные меры, т. е. будет ли начата война. «Нация желает войны,—говорилось в послании.— Она горит желанием приблизить момент, когда войска свободы поме-

⁶⁴ «L'ami du peuple», N 614, 1 decembre 1791.

⁶⁵ «Révolutions de Paris», N. 126, 3—10 decembre 1791.

⁶⁶ Ibid, N. 128, 17—24 decembre 1791.

⁶⁷ «Oeuvres de M. Robespierre avec une notice historique, des notes et des commentaires, par Laponegaye», t. 1, Paris, 1840, p. 225—278.

⁶⁸ В декабре 1791 г. гонения на Марата усиливались с каждым днем. Выпуск «Друга народа» встречал все более непреодолимые препятствия, и 15 декабря 1791 г. Марат прекратил издание своей газеты на 626 номере, а сам уехал в Англию. В Лондоне Марат немедленно занялся подготовкой к печати большой работы «Школа гражданина, или тайная история происков двора, Учредительного собрания, монархического клуба, генералов и главных врагов свободы, которые играли роль в революции». В марте 1792 г. клуб Кордельеров распространил проспект этого сочинения, приглашая граждан подписываться на него. Книга должна была выйти осенью того же года в двух томах. В ней предполагалось дать сводку высказываний Марата в «Друге народа» по важнейшим вопросам революции. В проспекте указывалось, что эта книга необходима всем французам, желающим изучить свои права и познакомиться с различными способами и приемами, к которым прибегают враги народа, чтобы «непрестанно обманывать и поработать народ», доводить его до нищеты, мучить голодом, уничтожать друзей свободы, обречь государство на анархию и разжигать факел гражданской войны». Но эта работа Марата так и осталась незаконченной. (см. А. Ольшевский. Марат. М., 1938 г., стр. 177). В Англии Марат пробыл до апреля 1792 г.

ряются силами с сателлитами деспотизма, когда великий спор народов и королей разрешится на поле битвы»⁶⁹.

17 февраля Якобинский клуб разослал новое обращение к своим провинциальным отделениям, в котором снова говорилось о том, что война неизбежна, и выражалась надежда на сочувствие и поддержку, которые должны оказать Франции поработанные народы. Якобинский клуб рекомендовал своим местным отделениям держать тесную связь с армией, поднимать патриотизм солдат и поддерживать их дружеские связи с населением. Под влиянием этой агитации началось вооружение пассивных граждан, не включенных по Конституции 1791 г. в национальную гвардию. Во главе этого движения стал Электоральный клуб. Часть членов якобинского клуба также содействовала этому вооружению народа.

Жирондисты, имея поддержку Якобинского клуба, предместий, муниципалитета и некоторых генералов, повели энергичную борьбу за объявление войны. Особенно активную агитацию организовал Бриссо во «Французском патриоте».

В начале апреля 1792 г. Марат возвратился из Англии и с 12 апреля снова стал издавать «Друга народа». В течение 8 дней он печатал на первых страницах своей газеты принятые ранее постановления клуба Кордельеров за подписью Эбера, как председателя, с призывами возобновить издание «Друга народа». «Сегодня больше, чем когда-либо, чувствуется необходимость энергичного выступления, чтобы разоблачить бесконечные заговоры врагов свободы и будить народ, заснувший на краю пропасти... Мы надеемся, что «Друг народа» не покинет родину в то время, когда она больше всего пуждается в просвещении»⁷⁰, — говорилось в этом постановлении.

В первом же номере (627) Марат выступил против войны и жирондистов, подготовивших ее. Он считал, что смена министерства — только ловкий маневр, что новые министры — «заговорщики с репутацией друзей народа.. ложные патриоты...»⁷¹. Марат продолжает свою борьбу против собрания, которое «всячески старается закрыть рот патриотам, имеющим мужество разоблачать новых министров...»⁷². Он резко критикует Ролана, Дюмурье де Грера, Клавьера и других новых министров.

И в последующих номерах своей газеты Марат продолжает выступать против жирондистского министерства. Он пишет: «В моих глазах опозоренные министры менее опасны, чем министры, пользующиеся хорошей славой, обманывающие общественное доверие, покамест они его не погубят»⁷³. Давая в общем правильную характеристику составу нового министерства, Марат вначале не сумел распознать истинные намерения Дюмурье — беспринципного карьериста, лицемера и лжеца. Но очень скоро Марат понял, что он ошибся, видя в Дюмурье «превосходного патриота», и начиная с октября 1792 г. со свойственной ему прямоот и резкостью выступает против Дюмурье⁷⁴.

⁶⁹ «La Société des Jacobins Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris». Red. et introd. par A. Aulard. Paris, 1889—1897, t. II, p. 513

⁷⁰ «L'ami du peuple», N. 627, 12 avril 1792

⁷¹ Ibidem Напомним, что в марте 1792 г. король призвал к власти жирондистов, образовавших свое первое министерство

⁷² Ibidem.

⁷³ Ж-П Марат Указ соч., т. 3, стр. 63, «L'ami du peuple», N. 628, 13 avril 1792

⁷⁴ «La vie et les memoires du général Dumouriez, avec des notes et des éclaircissements par Berville et Barrière», t. III, Paris, 1823, p. 114—115

20 апреля 1792 г. Законодательное собрание приняло декрет об объявлении войны Австрии. Война революционной Франции против контрреволюционных поползновений Австрии и Пруссии была оборонительной и справедливой. «Революционная Франция,— указывал В. И. Ленин,— оборонялась от реакционно-монархической Европы»⁷⁵.

Как же отнесся Марат к начавшейся войне?

Еще 19 апреля, т. е. до официального объявления войны, Марат писал, что «война объявлена французскими властями, стоворившимися против свободы. Кто не видит, что все эти мнимые переговоры министерства с иностранными дворами не имеют другой цели, как отвлечение внимания нации и затягивание времени?... Кто не видит, что ...отправка на границу солдат без оружия, амуниции, обмундирования, денег не имеет другой цели, как оставить родину беззащитной»⁷⁶.

Продолжая развивать свою мысль, Марат пишет, что в течение трех лет он выступал против войны, так как она является последним средством контрреволюционеров в борьбе против свободы и революции, что он не перестает работать над тем, чтобы сорвать различные мероприятия, предпринятые кабинетом и двором для разжигания войны, в которой Франция должна потерпеть поражение.

По мнению Марата, правительство явно ведет дело к войне, а армию для этого совсем не готовит. Марат с возмущением пишет: «Какой смысл будет иметь их (солдат.— *Т. С.*) храбрость, если они безоружны? Если в армии отсутствует дисциплина? Если армия не готовится к крупным военным действиям, не разрабатывает тактики, не знакома с искусством войны... и главное не имеет верных генералов?... Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что наши армии будут разбиты в первой же кампании (или в схватке в первой же деревне)»⁷⁷.

Декрет Законодательного собрания об объявлении войны Марат назвал гибельным⁷⁸. Он вновь и вновь повторяет, что единственно верным средством, при помощи которого можно спасти и защитить революцию и свободу во Франции, является всеобщее народное восстание. Он выражает надежду, что начало войны послужит сигналом ко всеобщему восстанию во всей Франции, целью которого должно быть уничтожение всех врагов революции. «Первый залп орудий на наших границах приведет к тому, что начнут сжигать имения бывших сеньеров, перережут всех общественных врагов в городах и селах; солдаты в армии уничтожат своих коварных начальников, генералов-изменников и заговорщиков; вся нация подымется против недостойных представителей и вновь овладеет, наконец, властью, которую у нее забрали»⁷⁹.

Еще в 1791 г. у Марата зарождается мысль, что для дальнейшего развития революции и успешной борьбы против королевской власти необходимо объединить силы столицы с революционными силами провинций. А весной 1792 г. Марат окончательно приходит к этому выводу. Он внимательно следит за развитием революционных событий в провинциях.

Марат, имея корреспондентов во многих городах, главным образом в провинциальных центрах Юга⁸⁰, особенно интересовался успехами революционной пропаганды в Марселе.

⁷⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 336.

⁷⁶ «L'ami du peuple», N. 634, 19 avril 1792.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., N. 641, 26 avril, N. 645, 30 avril 1792.

⁷⁹ Ibid., N. 634, 19 avril 1792.

⁸⁰ C. Walter. Marat, Paris, 1933, p. 213.

20 марта 1792 г. народные массы Марселя начали борьбу против изменников революции. Марсельские демократы поставили перед собой задачу — укрепить революционный режим не только в Марселе, но и в других городах Юга. Они отправились в г. Арль, где крупная буржуазия захватила муниципалитет в свои руки. Местные власти Арля были так напуганы, что просили помощи у гарнизона Тулона и у других городов. Но помощи им никто не оказал, и в конце мая Арль сдался марсельцам. Затем марсельцы направились в Авиньон и другие города, где устанавливали революционные порядки, открывали тюрьмы и выпускали патриотов⁸¹.

Марат восхищался революционными действиями марсельцев. 16 апреля 1792 г. он поместил в «Друге народа» большую статью «Триумф дела свободы во всех департаментах Юга», в которой отмечает огромное значение этого «генерального смотра настоящих граждан»⁸². Он стремится объединить движение патриотов столицы и провинции, но это объединение произошло только летом 1792 г.

Начало войны не послужило сигналом к народному восстанию, как ожидал Марат, так как народ Франции был увлечен воинственными речами жирондистов и желанием выступить против своих старых врагов-эмигрантов и иностранных абсолютистских монархий, стремившихся восстановить во Франции дореволюционные порядки.

С началом войны французская армия стала терпеть поражения. В это время деятельность Марата приобретает особенно большое значение; он через свою газету предупреждает, что Францию ждут большие бедствия, ибо ей теперь нужно вести борьбу как против внешних, так и внутренних врагов: «...все бедствия войны внешней и войны гражданской, которую тюльрийский кабинет готовил так долго, готовы вылиться на нас сразу»⁸³.

Анализируя внутреннее и особенно международное положение Франции, Марат приходит к выводу, что эта война превратится в войну всех европейских стран против революционной Франции. В конце апреля он писал, что страна «будет окружена сотнями тысяч солдат, которые атакуют ее с суши и моря»⁸⁴. Тяжелое положение Франции, по мнению Марата, будет использовано прежде всего ее внутренними врагами — неприсягнувшими священниками, бывшими привилегированными, врагами революции и всеми сообщниками деспотизма, разжигавшими во всех концах королевства огонь гражданской войны, а Людовик XVI в это время будет спокойно наблюдать за всеми бедствиями, которые он в продолжении долгого времени тщательно готовил⁸⁵.

Марат подвергает самой беспощадной критике министерство, двор и собрание, которые, развязывая войну, совершенно не заботились о вооружении армии, вследствие чего в самом начале военной кампании армия осталась без вооружения, боеприпасов и т. д. Он разоблачает планы правительства: «Коварный план кабинета Тюльри заключается в том, — пишет Марат, — что он не желает вооружать народ, постоянно оставляет без оружия национальную гвардию»⁸⁶. Он указывает, что посылаемое оружие часто было плохого качества. Так, администрация

⁸¹ Ibid., p. 214.

⁸² «L'ami du peuple», N. 631, 16 avril 1792.

⁸³ Ibid., N. 644, 29 avril 1792.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibid., N. 646, 30 avril 1792.

департаменту Верхней Гаронны жаловалась, что из 500 полученных ружей только 40 можно было использовать сразу, 176 можно было починить, а остальные пришлось выбросить⁸⁷. Он приводит многочисленные требования, полученные Законодательным собранием из провинции, о присылке необходимого оружия, отмечая при этом, что все они похоронены в военном комитете. В то же время Марат печатает в газете письма солдат и офицеров, жалующихся на отсутствие вооружения и патронов. Один офицер из армии Рошамбо, прибывший в Париж, писал: «В течение девяти месяцев военный министр и администрация департамента Парижа делали все для того, чтобы оставить без оружия парижские батальоны, отправляемые на границу. На все наши запросы, требования и адреса они в течение последних трех месяцев посылали нам только одежду, а не оружие...

Батальоны департаментов Сены и Уазы, Соммы, Па-де-Кале, которые я видел при моей поездке, находятся в еще более плачевном состоянии — едва половина солдат имеет плохие ружья»⁸⁸.

Большие подозрения вызывают у Марата действия генералов — Лафайета, Люкнера и Рошамбо. Он пишет: «...больше шести месяцев я предсказывал, что три генерала, презренные придворные лакеи, продадут нацию и откроют наши границы; эти печальные предсказания скоро осуществляются. Моя единственная надежда, что у армии, наконец, откроются глаза и она поймет, что для общественного спасения ее офицеры должны быть первыми принесены в жертву»⁸⁹.

Первые неудачи французских войск в столкновении с австрийцами⁹⁰ находят самый живой отклик со стороны Марата. Он считает, что генералы должны платить своей кровью за свои преступления и интриги против родины и Марат призывает солдат уничтожить всех подозрительных офицеров и командиров, продавшихся двору: «Пусть меч наших солдат очистит поскорее армию от всех изменников родины; пусть армия возвратится к своим очагам, истребив всех до последнего сообщников деспотизма; пусть, наконец, вся армия подымается против внешних врагов, уничтожит тиранов, объединившихся против свободы, разорвет цепи и возвратит людям свободу»⁹¹.

Следующий номер газеты Марат посвящает выступлению против Людовика XVI, против его преступных по отношению к нации и революции действий. Он пишет: «Нет в Европе ни одного просвященного и добродетельного человека, который не видел бы и не чувствовал бы коварства жирного Людовика XVI»⁹². Марат характеризует действия короля с начала 1792 г. и приходит к выводу, что все они имеют цель при помощи эмигрантов и австрийцев уничтожить патриотов и установить на развалинах свободы прочный деспотизм». Чтобы добиться этого, король и его министры с согласия Законодательного собрания растрачивают «национальные имущества и золото на войну и военные приготовления вместо того, чтобы тратить их на нужды государства и на

⁸⁷ «L'ami du peuple», N. 646, 30 avril 1792.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ 28 апреля 1792 г. одна из дивизий Рошамбо, наступавшая на Турнэ, случайно столкнулась с австрийскими войсками, и французские солдаты обратились в бегство. Думая, что им изменили, они убили одного из своих офицеров — Диллона.

⁹¹ «L'ami du peuple», N. 649, 6 mai 1792.

⁹² Ibid., N 650, 10 mai 1792.

облегчение положения народа»⁹³. Марат считает, что «Людовик XVI добивался войны, чтобы укрепить деспотизм, чтобы закрепить общественное разорение Франции, возвратить своих братьев и принцев, вставших против Конституции»⁹⁴.

Это было прямое выступление против Людовика XVI и политики, проводимой министерствами и Законодательным собранием.

Выступления Марата вызвали сильное возмущение среди жирондистов и в Законодательном собрании. «Мы знаем от Придома, — пишет Готшалк, — что Марат наравне с императором и эмигрантами был в это время главным источником тревог Законодательного собрания»⁹⁵.

Жирондисты решили расправиться с Маратом, но чтобы скрыть свои истинные намерения, они решили начать одновременно судебное преследование и против журналиста-роялиста аббата Руайю, издававшего газету «Друг короля». 3 мая жирондисты вместе с фельянами провели постановление о предании суду Марата за его призыв к солдатам убивать изменников-генералов⁹⁶.

Значительная часть заседания Законодательного собрания 21 мая 1792 г. была посвящена обсуждению обвинений, выдвинутых против Марата. Депутат Жюффрэ прочел обвинительный акт и в доказательство того, что Марат покушался на государственную безопасность и выступал против Конституции, он прочел выдержки из «Друга народа» за 30 апреля и за 6 мая⁹⁷. Другие депутаты сообщили также, что газета была распространена в армии и, конечно, не могла способствовать укреплению дисциплины среди солдат. Депутат Бреар предложил, чтобы были арестованы все издатели и продавцы газет «Друг народа» и «Друг короля»⁹⁸.

Марат скрылся в подполье и отказался явиться в суд. Он писал, что готов выступить перед справедливым судом, где бы он мог защищаться, но самому отдаваться в руки врагов, желающих его убить или бросить в тюрьму, он считает бессмысленным. Типография его была опечатана и прошло больше недели, прежде чем он смог наладить в подполье, хотя и с перебоями, издание «Друга народа».

14 мая он выпускает 650⁹⁹ номер газеты, в которой со всей резкостью выступает против Законодательного собрания, двора, жирондистского министерства, поднявших кампанию против него: «Ужасаясь увидеть, как сбываются предсказания «Друга народа» об изменах командиров... дрожа, как бы нация не открыла глаза на их коварные заговоры, двор, министры, главарь фельянов пришли в ярость и ...решили уничтожить источники своих бед» (т. е. Марата)¹⁰⁰. Особенно резко Марат выступает против Бриссо, который, боясь быть разоблаченным в газете за свою подготовку войны, создал видимость заговора. «Они (т. е. жирондисты. — Т. С.) решили, — пишет Марат, — что мое падение должно быть прелюдией падения якобинцев и всех других патриотических обществ. Нужно быть совершенно слепым, чтобы не видеть, что собрание, издавая

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ L. R. Gottschalk. Jean-Paul Marat. Paris, 1929, p. 96.

⁹⁶ «Archives parlementaires», t. 42, p. 714, t. 43, p. 622—623.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Под этим номером вышла газета 10 и 14 мая 1792 г.

¹⁰⁰ «L'ami du peuple», N. 650, 14 mai 1792.

декрет против меня, уничтожая писателей-патриотов в лице «Друга народа», стремится уничтожить свободу печати»¹⁰¹.

Марат негодует, что собрание обвиняет его одновременно с контрреволюционером Руайю, прославлявшим короля и его сообщников. По его словам, это сделано только для того, чтобы народ не понял истинных целей собрания — подавление патриотов.

Ход войны сложился очень неудачно для Франции. Сказывалась неподготовленность страны, нежелание генералов вести наступательные операции. План кампании, как известно, был выдан австрийцам королевой. Французская армия терпела поражения, а Законодательное собрание не принимало никаких мер для выхода из создавшегося тяжелого положения. «Никогда Законодательное собрание так открыто не продавалось двору, так открыто не выступало против друзей свободы, не стоваривалось с врагами свободы — контрреволюционерами, как последние три месяца»¹⁰², — пишет Марат. Он, как и раньше, помещает письма солдат и волонтеров, описывающих положение на фронтах, жалуящихся на отсутствие оружия, провианта. «Как только началась военная кампания, у нас не было в достаточном количестве ни вооружения, ни боеприпасов, ни продуктов питания, — пишет один волонтер. — Голод, жара сковывали наши силы. Многие оставались на дорогах, умирая от голода и усталости. Вот исполнились предсказания «Друга народа», сделанные в начале кампании»¹⁰³. В других письмах мы находим сообщения об отсутствии гарнизонов в ряде пограничных крепостей и городов, о дезертирстве офицеров¹⁰⁴, о начавшемся в армии мародерстве¹⁰⁵.

Обобщая все сведения, получаемые официальным и неофициальным путем о поражениях французских войск, Марат приходит к выводу: «Из-за подлой и изменнической политики Учредительного и Законодательного собраний мы не имеем больше ни войск, ни офицеров, ни генералов и мы вынуждены смотреть, как государство становится добычей внешних врагов в тот момент, когда оно растерзано врагами внутренними»¹⁰⁶. Другая причина поражений, по мнению Марата, заключается в том, что «тюльрийский кабинет находится в соглашении с Веной, поэтому наши армии, следуя приказам генералов, не двигаются с места, вместо того, чтобы атаковать врагов»¹⁰⁷.

Но главная причина всего этого — политика короля, направленная на восстановление дореволюционных порядков, а ему в этом помогает Законодательное собрание — фельяны и жирондисты. В том, «что монарх создал ужасный заговор со своими министрами, придворными и сателлитами — нет ничего странного, — пишет Марат, — но что законодатели (т. е. депутаты Законодательного собрания. — Т. С.) продаются в наши дни, становясь подлым инструментом в его руках, в это трудно поверить. О, Бриссо, Гюаде, Пасторе, Кондорсе, Лакруа, Лассурс, Дюко, Лакомб!.. Это вы привели нас к этим несчастьям, вы погрузили нас в бедствия... это вы бесчестно и позорно служили двору, чтобы ввести в заблуждение народ!.. Это вы — Ле Шапелье, Тарже, Барнав, Спйес продали королю права народа!»¹⁰⁸.

¹⁰¹ «L'ami du peuple», N. 650, 14 mai 1792.

¹⁰² Ibid., N. 651, 16 mai 1792.

¹⁰³ Ibid., N. 652, 17 mai 1792.

¹⁰⁴ Ibid., N. 653, 19 mai 1792.

¹⁰⁵ Ibid., N. 656, 23 mai 1792.

¹⁰⁶ Ibid., N. 653, 19 mai 1792.

¹⁰⁷ Ibid., N. 655, 21 mai 1792.

¹⁰⁸ Ibid., N. 657, 25 mai 1792.

Весь номер газеты от 3 июня посвящен описанию внутреннего и внешнего положения Франции. Марат отмечает, что в связи с войной оживилась борьба внутренних врагов, и в стране создалось очень тяжелое положение: «Наши полки дезертируют с оружием и обозами, коменданты крепостей переходят на сторону врагов; внутренние враги объединяются с врагами внешними. Все области страны приведены в расстройство анархией или разорены голодом и нищетой... Безде вспыхивают заговоры, чиновники способствуют беспорядкам вместо того, чтобы их подавлять; суды преследуют только друзей свободы... А Законодательное собрание в течение последних 6 месяцев продается королю, составляет с ним заговор, чтобы снова надеть ярмо на нацию»¹⁰⁹.

Выступления Марата, Робеспьера, «Парижских революций» против методов ведения войны оказали влияние на народные массы и особенно на солдат, среди которых все больше росло недоверие к генералам и командному составу. Хотя народные массы Франции рассматривали войну как необходимую меру защиты завоеваний революции от нападения монархов европейских государств и ненавистных эмигрантов, но неудачно начавшаяся война начала вызывать недовольство и подозрение у народа.

24 мая в Законодательное собрание пришла делегация из деревень Мезон и Шарентон; один из делегатов заявил: «На фронтах уже погибло 300 наших братьев, и мы думаем, что они были жертвами измены генералов»¹¹⁰. 29 мая 2 тысячи граждан Сен-Марсельского предместья, вооруженные пиками, ружьями, вилами, камнями и палками, явились в Законодательное собрание, чтобы продемонстрировать свою солидарность с депутатами-патриотами и сделать прозное предупреждение двору¹¹¹.

С целью прекращения контрреволюционной агитации и укрепления обороны страны Законодательное собрание, под давлением демократического движения, приняло три декрета: о высылке неприсягнувших священников (27 мая); о роспуске королевской гвардии, состоящей, по определению Марата, «из разбойников, оскорбляющих родину» (29 мая) и об образовании под Парижем лагеря из 20 тысяч федератов (8 июня). По словам военного министра Сервана, предложившего последний декрет, лагерь должен был предохранять Париж от внезапного нападения со стороны врага¹¹².

Марат очень резко возражал против проекта Сервана, являвшегося, по его мнению, «смертельным ударом, нанесенным свободе и общественной безопасности Законодательным собранием, которое, будучи контрреволюционным, участвует в происках двора»¹¹³. Марат не сумел правильно оценить значение декрета. Он считал, что эти 20 тыс. человек, собранные со всего королевства, станут опорой врагов революции, находящейся в столице, опорой деспотизма. Это было его ошибкой. В действительности прибытие федератов в Париж оказало большое революционизирующее влияние на ход событий.

¹⁰⁹ Ibid., N. 663, 3 juin 1792.

¹¹⁰ «Moniteur», 25 mai 1792. В протоколе отмечается, «что значительное большинство собрания было охвачено негодованием против подобного заявления и сотня голосов требовала прогнать этих плутов из зала заседания».

¹¹¹ Французская буржуазная революция 1789—1794». М.—Л., 1941, стр. 194.

¹¹² «Archives parlementaires», t. 44, p. 550, 701—703. Серван впервые предложил декрет 4 июня; в русском переводе работы Жореса неправильно указано 5 июня (Жан Жорес. История Великой французской революции, т. 2, М., [б. г.] стр. 307).

¹¹³ «L'ami du peuple», N. 666, 15 juin 1792.

Марат считал, что для ведения успешной войны необходимо ввести всеобщее вооружение народа, и в первую очередь населения столицы. «Этот лагерь, который нам предлагают как оплот против внешних и внутренних врагов, является бесполезным в городе, содержащем 300 тыс. вооруженных людей и 150 тыс. могущих носить оружие. Самый простой декрет состоял бы в том, чтобы все граждане без исключения были вооружены...»¹¹⁴

Позиция Марата по этому вопросу во многом объясняется тем, что он не верил жирондистам и был убежден, что все проекты, предложенные жирондистами и принятые Законодательным собранием, не могут закрепить завоеваний революции, пойти ей на пользу. Вот почему он вновь повторяет, что в этот тяжелый для Франции момент, когда ей приходится вести борьбу не только с внутренними врагами, но и врагами внешними, когда Законодательное собрание идет на поводу у двора, угнетает друзей свободы и уничтожает защитников родины — «всеобщее восстание — это единственное, что нужно для нас!»¹¹⁵

Между тем король, уверенный в победе союзников и поддерживаемый внутренней реакцией, отказался утвердить декреты о высылке не-присягнувших священников и об образовании лагеря федератов около Парижа, утвердив лишь декрет о роспуске своей гвардии. Шведский маршал Ферзен писал королеве в июне, что герцог Брауншвейгский, главнокомандующий австро-прусской армией, прибудет 5 июля в Кобленц, а оттуда во главе 31 тысячи отборных солдат двинется прямо на Париж¹¹⁶.

Ход войны скоро разоблачил контрреволюционные замыслы как королевского двора, так и интервентов, шедших к нему на помощь. Контрреволюционные генералы Рошамбо, Люксер, Лафайет вели показную войну. Король, уверенный в победе союзников, саботировал мероприятия по борьбе с внутренней контрреволюцией и интервенцией. Монархическая реакция явно подымала голову в стране. 13 июня король уволил министров-жирондистов и передал министерство фельямам.

Такая политика короля вызывала недовольство и подозрения со стороны патриотически настроенного населения столицы и всей страны. Жирондисты решили использовать движение народных масс, чтобы добиться от короля утверждения отвергнутых им декретов и возвращения уволенных королем министров-жирондистов.

20 июня 50 тысяч¹¹⁷ граждан Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий, цвет патриотов Парижа, писал Марат, прошли вооруженным маршем перед депутатами, чтобы потребовать уничтожения veto на декреты. В речи, произнесенной их оратором, говорилось: «Люди 14 июля поднялись и пришли разоблачить недостойного короля, в течение долгого времени сидящего на троне. Мы требуем, чтобы меч упал, наконец, на его голову. Если вы откажетесь удовлетворить наши требования, мы восстанем и уничтожим изменников всюду, где найдем их»¹¹⁸. Однако

¹¹⁴ «L'ami du peuple», N 666, 15 juin 1792.

¹¹⁵ Ibid., N. 655, 9 juin 1792.

¹¹⁶ «Le comte de Fersen et la cour de France». Extraits des papiers du grand maréchal de Suède comte Jean Axel de Fersen, publ. par R. M. Klinckowström, t. II, Paris, 1878, p. 315. Ферзен писал королеве в конце июня, чтобы королевская семья не покидала Парижа, так как в этом случае им будет легче прийти на помощь.

¹¹⁷ Эта цифра преувеличена Маратом; в действительности в демонстрации принимало участие от 20 до 30 тысяч человек (Французская буржуазная революция 1789—1794 гг., стр. 198).

¹¹⁸ «L'ami du peuple», N. 673, 16 juillet 1792.

мирная демонстрация 20 июня окончилась безрезультатно. Людовик XVI не отменил своего вето.

Марат, Робеспьер, Дантон и другие демократы не были склонны призывать пародные массы к восстанию из-за отставки жирондистских министров. Вожди демократов понимали, что жирондисты решились на этот раз апеллировать к массам лишь в интересах своей партии. Марат позднее писал, что 20 июня парод «вышел против своих врагов без цели, сам не зная, что он должен делать; хотя без руководителей можно было попасть в ловушку, подготовленную изменниками родины!»¹¹⁹.

21 июня король заявил Законодательному собранию резкий протест против демонстрации¹²⁰. Лафайет, покинув армию, явился в Париж, чтобы поддержать короля, и 28 июня в собрании от имени армии и «всех порядочных людей» требовал разгона Якобинского клуба¹²¹ и сурового наказания виновников событий 20 июня. Он хотел увлечь за собой буржуазные батальоны национальной гвардии и совершить государственный переворот, но двор и особенно королева не доверяли ему.

Умеренная буржуазия Парижа и департаментов также осуждала демонстрацию 20 июня¹²².

Несмотря на то, что контрреволюция, казалось, укрепила свои силы, левые Законодательного собрания продолжали вести борьбу против королевского вето, нарушенного отчасти уже 12 июля, когда на вечернем заседании собрания был прочитан адрес патриотов Марселя, заявлявших, что французская свобода в опасности и свободные граждане Юга поднялись, чтобы ее защитить, что «настал день народного гнева». Марсельцы требовали у собрания разрешения отправиться в столицу и к границам, чтобы умереть или защитить родину и революцию¹²³. Собрание не решилось высказаться против такого патриотического адреса, хотя умеренные говорили, что этот адрес является посягательством на Конституцию¹²⁴. Марсельские федераты получили разрешение явиться в Париж несмотря на королевское вето.

Наступление войск монархической коалиции, более чем подозрительное поведение генералов, реакционные интриги министров, упорный отказ короля утвердить декреты, принятые собранием. — все это угрожало привести к победе внутренней и внешней контрреволюции.

Эта опасность вызвала как в Париже, так и в департаментах широкое демократическое движение, направленное против королевской власти. Демократические массы города и деревни мужественно встали на защиту революции.

¹¹⁹ Ibidem.

¹²⁰ «Archives parlementaires», t. 45, p. 440.

¹²¹ A. Mathiez. Le dix août, Paris, 1931, p. 21.

¹²² К. П. Добролюбовский. Революция 10 августа 1792 г. Одесса, 1940, стр. 8. Адрес активных граждан г. Руана, представленный собранию 29 июня, восхвалял Лафайета и призывал наказывать виновников демонстрации 20 июня. Осуждая жирондистских министров и всех, кто говорит о республике, активные граждане Руана защищали неприкосновенность Конституции 1791 г.

Подобное осуждение демонстрации 20 июня имело место также со стороны граждан г. Гавра. Из Гавра поступило два адреса: один от 23 июня, защищающий Лафайета и разоблачающий якобинцев, и другой от 27 июня с протестом против демонстрации 20 июня. R. N. Kerschaw. L'esprit public dans l'Ouest (du 20 juin au 10 août 1792). «Annales historiques de la Révolution française». Paris, 1925, p. 440.

¹²³ «Archives parlementaires», t. 45, p. 397. Чтение адреса марсельцев прерывалось аплодисментами на левых скамьях.

¹²⁴ А. Олар. Политическая история Французской революции. М., 1902, стр. 240.

В своих мемуарах Шометт (будущий прокурор Парижской коммуны 1793—1794 гг.) пишет, что летом 1792 г. «страна начала понимать истинную цену Людовику XVI и приучилась к мысли о возможности существования без короля. Наиболее горячие из патриотов собирались в клубе Кордельеров, где целые ночи проводили за выработкой общего плана действий. В одном из его комитетов было... приготовлено красное знамя со следующей надписью: «Народ объявляет военный закон против бунта двора». Вокруг этого знамени предстояло собраться всем истинно свободным людям, всем республиканцам»¹²⁵.

25 июня делегации от двух демократических секций парижских предместий Кенз-Вэн и Гобеленов представили Законодательному собранию петиции, в которых призывали решительно бороться против иностранного нашествия и внутренней контрреволюции¹²⁶. От других секций также поступали в собрание петиции с обвинением командования армии в измене. «Все газеты, все ораторы нападали на Людовика XVI, указывая на него, как на препятствие для защиты страны, открыто обвиняя его в подготовке победы врага»¹²⁷, — пишет Матьез.

Следовательно, против политики короля и министров нарастало недовольство как в Париже, так и в департаментах и армии. Все большее число людей начинало понимать, что революции грозит опасность со стороны внутренних и внешних врагов. Под влиянием растущего народного возбуждения 11 июля собрание решилось, наконец, принять декрет, объявляющий отечество в опасности¹²⁸, но только десять дней спустя король и собрание приняли воззвание к армии и французскому народу, в котором призывали бороться за свободу и Конституцию.

В этот период усиливающейся борьбы между республиканским движением, с одной стороны, и королевской властью, с другой, Марат не мог принимать непосредственного участия в ней, так как с 15 июня он вынужден был прекратить издание «Друга народа» в связи с преследованиями правительства. Только 7 июля он нашел типографию и выпустил очередной номер газеты с большой статьей «План революции, совершенно не удавшейся народу»¹²⁹.

В этой статье Марат рассматривает достижения революции и приходит к неутешительным выводам: «В течение трех лет мы стремимся возвратить нашу свободу, но сегодня мы еще дальше от этого, чем в первый день; никогда мы не были более поработаны»¹³⁰. Марат вскрывает причину этого. Если революция совершилась прогив деспотизма, пишет Марат, то надо было начать с лишения деспота и его агентов всех прав, а власть доверить уполномоченным народа, а затем приступить к выработке Конституции и представить ее королю. В случае же, если король не будет ее выполнять, он должен быть низложен¹³¹. По мнению Марата, это очень легко можно было осуществить на следующий день после взятия Бастилии.

Марат критикует депутатов Учредительного собрания, которые не боролась против короля и его сторонников. Он пишет: «Депутаты начали с утверждения прерогатив короны до того, как установили права наро-

¹²⁵ А. Шометт. Мемуары. «Голос минувшего», 1917, № 11—12, стр. 91.

¹²⁶ «Archives parlementaires», t. 45, p. 553—554.

¹²⁷ А. Матьез. *Op. cit.*, p. 33—34.

¹²⁸ «Archives parlementaires», t. 47, p. 53—54.

¹²⁹ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 79—86.

¹³⁰ Там же, стр. 79.

¹³¹ Там же, стр. 83.

да... начали с того, что вернули королю верховную исполнительную власть, сделали его арбитром законодателя, поручили ему выполнение законов, доверили ему ключи государственного казначейства, управление национальными имуществами, командование флотом и армиями, распоряжение всеми вооруженными силами, чтобы обеспечить ему возможность действительно противиться установлению свободы»¹³².

В результате такой политики Учредительного собрания и еще более коварной политики Законодательного собрания, втянувшего Францию в войну, положение масс, совершивших революцию становится все труднее и опаснее, так как внутренняя и внешняя контрреволюция стремятся к объединению. В статье заслуживает внимания также определение классовых групп, сыгравших, по мнению Марата, главную роль в революции: «...революция была сделана и поддержана только низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледельцами, плебсом, неимущими, которых богачи называют канальями, а римские наглецы называли пролетариями»¹³³.

Действенный способ установить свободу и обеспечить счастье народа, считает Марат, — это восстать. «Единственный способ сохранить свободу и обеспечить покой состоит в том, чтобы безжалостно уничтожить изменников отечества и утопить в их крови вождей заговорщиков»¹³⁴. Таким образом, мы видим, что Марат последовательно проводит свою идею вооруженного восстания всего народа, указывая, что это единственное верное средство для уничтожения королевской власти и власти крупной буржуазии, заседающей в Законодательном собрании. Если народ не сумел этого сделать в первые дни после взятия Бастилии, то он, по мнению Марата, должен совершить это сейчас.

Призывы Марата падали на благоприятную почву, так как королевская власть дискредитировала себя перед всей Францией. Законодательное собрание получало все больше петиций с требованием низложения короля. Демократическое республиканское движение охватывало почти всю страну, но особенно сильным оно было на юге и юго-востоке Франции.

Еще 27 июня муниципалитет Марселя принял петицию, в которой призывал собрание уничтожить королевскую власть, заявляя, что «законы относительно королевской власти противоречат правам человека». 29 июня муниципальные власти Марселя объявили об отправке в Париж батальона из 500 вооруженных патриотов¹³⁵.

Враждебные Людовику XVI адреса были получены из департаментов Эн, Об, Арьеж, Буш-дю-Рон, Кальвадос, Кот-д'Ор, Дордош, Эр, Финистер, Гар, Верхней Гаронны, Жиронды, Эро, Юры, Орн и др.¹³⁶. Многие из этих петиций прямо или косвенно требовали низложения короля.

Рост движения против Людовика XVI и против королевской власти вообще в июле-августе 1792 г. проявился не только в петициях и адресах, но и в действиях. Марсельцы прибыли в Париж 30 июля и застали там федератов из Бреста и других городов¹³⁷. Якобинцы развернули среди федератов большую агитацию; они предоставляли им помещения и устраивали патриотические обеды. В Якобинском клубе федератам

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 82—83.

¹³⁴ Там же, стр. 86.

¹³⁵ К. П. Добролюбовский. Указ. соч., стр. 11.

¹³⁶ А. Олар. Политическая история Французской революции, стр. 235.

¹³⁷ Там же, стр. 243.

были отведены особые места, тулонские федераты были встречены там аплодисментами¹³⁸. Якобинский клуб стал центром объединения федератов, которые организовали при нем Центральный комитет из 47 человек.

Марат, видя в федератах серьезную силу для грядущего вооруженного восстания, обращается к ним с письмом, напечатанным 18 июля в «Друге народа» под заголовком «Советы «Друга народа» федератам из департаментов», в котором разоблачает предательство генералов и двора и особенно останавливается на Лафайете, которому он не доверял с начала революции. Он писал о Лафайете, что теперь «все патриотические общества в королевстве объединяются, чтобы сорвать с него маску; множество муниципальных петиций требуют издания против него обвинительного акта»¹³⁹.

Марат предостерегает федератов, чтобы они не попались в западню, которую им устраивают двор и Законодательное собрание. Он предупреждает их, что король и собрание, чувствуя в них опасность для себя, будут стараться поскорее избавиться от федератов и отправят их на границы, чтобы они были уничтожены врагами, в то время как в Париже и в других городах находится более 50 тыс. регулярных войск, которые используются для подавления народа.

С болью и укором «Друг народа» спрашивает: «Неужели только вы, неимущие граждане, должны нести тяжесть всех общественных обязанностей и проливать свою кровь для защиты собственности ваших угнетателей и сохранения привилегий ваших тиранов? Неужели же только богачи будут собирать плоды Конституции, а вы получите от революции только печальное преимущество платить более тяжелые налоги и... отбывать воинскую повинность?»¹⁴⁰

Марат советовал федератам требовать посылки на фронт в первую очередь линейных войск, наказания всех заговорщиков, чистки Законодательного собрания. Самим же федератам он рекомендовал оставаться в Париже для наблюдения за королем и его семьей и держать их в качестве заложников, чтобы они отвечали перед народом за события бедственной войны, в которую двор и министры втянули Францию¹⁴¹.

20 июля Марат печатает «Письмо «Друга народа» федератам 83 департаментов», где указывает на попытку контрреволюционеров-роялистов разложить вооруженные отряды федератов: «Двор размещает среди вас своих агентов... многочисленные рои контрреволюционеров распространяют среди вас клевету, как это они всегда делают в важных случаях...»¹⁴²

Марат указывает на меры, которые необходимо осуществить для свержения монархии: вооружение всего народа, изгнание контрреволюционеров, чистка Законодательного собрания от изменников родины, уничтожение тех, кто покинул свои посты, задержание Людовика XVI и его семьи в качестве заложников¹⁴³.

Несмотря на то, что Законодательное собрание 11 июля приняло декрет, объявляющий отечество в опасности, король надеясь на быстрое вторжение австрийцев и пруссаков во Францию, пользуясь правом

¹³⁸ «La société des Jacobins», t. IV, p. 87.

¹³⁹ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 89; «L'ami du peuple», N.674, 18 juillet 1792.

¹⁴⁰ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 94.

¹⁴¹ Там же, стр. 95.

¹⁴² «L'ami du peuple», N. 675, 20 juillet 1792.

¹⁴³ Ibidem.

вето, не утвердил его. В ответ на такие действия короля патриотическое движение в Париже и в других городах еще более усиливается.

Какую же линию занимала в это время демократическая пресса, выражавшая мнение пародных масс? Марат, как мы видели, говорит о народном восстании, но о республике он еще не упоминает, он требует свержения Людовика XVI и монархии.

«Парижские революции» ограничиваются нападками на Людовика XVI, называя его «коронованным тартюфом», «лживым Людовиком», «домашним и конституционным врагом»¹⁴⁴ и т. д. Федераты, по мнению газеты, должны потребовать 14 июля отказа короля от права вето и от права на законодательную инициативу; суммы на содержание его должны быть уменьшены в четыре раза. Если же король откажется выполнить эти требования, тогда федераты должны требовать его отречения, низложения или же казни¹⁴⁵. Но уничтожения монархии газета не предлагала. Точно так же ни одна из ранее издававшихся газет не высказывается прямо в пользу республики.

В это время была основана новая республиканская газета «Le Journal des hommes du 14 juillet et du faubourg Saint-Antoine», выходившая с 12 июля по 11 августа 1792 г.¹⁴⁶ Хотя в первых номерах еще не ставился прямо вопрос о свержении монархии и газета готова была примириться с регентством, но уже в конце июля, в номере от 27 числа, писалось: «Мы хотим правительства, еще не выданного до сих пор, в котором вся власть была бы передана в руки выборных и временных должностных лиц, в котором все делалось бы самим народом и для народа... мы желаем полного гражданского равенства...»¹⁴⁷.

Правда, эти республиканские высказывания были еще немногочисленны, но очень важно отметить, что уже в конце июля 1792 г. монархический принцип правления государством критикуется во всеуслышание и слово «республика», подвергавшееся гонению со времени резни на Марсовом поле, снова становится полноправным в Париже. С этого времени вновь начинает расти во Франции республиканское движение и особенно развешивается движение за свержение монархии в парижских секциях.

Вопрос о низложении короля приобрел такое значение, что уклониться от его обсуждения в Законодательном собрании было невозможно. 25 июля депутат демократической левой Крестен поставил вопрос о низложении короля как главного изменника¹⁴⁸. Жирондисты, являясь представителями крупной буржуазии, которая стремилась к сохранению во Франции конституционной монархии, не поддерживали республиканцев, а правые — фельяны — потребовали ареста депутатов, призывавших и нарушению конституции.

Мощное демократическое движение, охватившее всю страну, пугало жирондистов и толкало их на сделку с королем. «Либеральная буржуазия во Франции,— писал В. И. Ленин,— начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов... В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической...»¹⁴⁹.

¹⁴⁴ «Révolutions de Paris», t. 13, N. 153, pp. 5—6.

¹⁴⁵ Ibid., p. 7.

¹⁴⁶ А. О л а р. Политическая история Французской революции, стр. 251.

¹⁴⁷ Там же, стр. 252.

¹⁴⁸ «Moniteur», 26 juillet 1792.

¹⁴⁹ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 17, стр. 368.

Однако выступления демократической печати, патриотических клубов и обществ против королевской власти привели к тому, что большинство секций Парижа выступило с требованием низложения короля. В конце июля выдвигается требование об уничтожении деления граждан на «активных» и «пассивных» и о призыве всех граждан для защиты отечества. Первой секцией, которая революционным путем уничтожила деление граждан на «активных» и «пассивных», была секция Французского театра, выпустившая 30 июля 1792 г. декларацию, подписанную Дантоном — президентом, Анаксагором Шометтом — вице-президентом, Моморо — секретарем¹⁵⁰. Эта декларация секции вызвала подъем среди народа. «Она была расклеена на улицах,— писал Шометт,— и оставила на общественном мнении значительный след. На следующий день секция получила в свой состав целую колонию свободных людей, армию патриотов, которая только и ждала удобного момента, чтобы использовать свои права»¹⁵¹.

3 августа Петион, мэр Парижа, зачитал в Законодательном собрании адрес от 48 секций, в котором выставлялись требования низложения короля, назначения ответственного министерства и созыва Национального конвента. В адресе подводился итог всей контрреволюционной деятельности короля с первых дней революции. Но собрание без обсуждения переслало адрес в Чрезвычайную комиссию¹⁵². Законодательное собрание получало подобные петиции из многих департаментов; некоторые из них сопровождались подписями на 12, 20 и 30 листах¹⁵³.

В разгар борьбы за низложение короля, охватившей почти все секции Парижа, многие города и коммуны департаментов, стал известен манифест герцога Брауншвейгского. Но манифест интервентов не запугал революционный народ. Наоборот, он способствовал еще большему росту выступлений за свержение короля.

Марат в своем знаменитом памфлете «Письмо «Друга народа» федератам восьмидесяти трех департаментов», перепечатанном в газете 7 августа 1792 г., разоблачал измену и лицемерие двора и еще раз призывал федератов следить, чтобы Людовик XVI не бежал. О манифесте герцога Брауншвейгского он писал: «...их дерзновенный вождь под диктовку Тюильрийского комитета¹⁵⁴ потребовал от нас, от имени своих господ, сдаться на милость нашего прежнего тирана... он возвещал жестокие кары тем, у кого найдется мужество захотеть остаться свободными... он провозгласил глушного главу исполнительной власти самодержавным властелином страны, угрожая позорными казнями тем, кто воспротивится его бегству...»¹⁵⁵.

Марат с негодованием отмечал, что Людовик XVI после получения этого манифеста, чувствуя поддержку со стороны эмигрантов и иностранных держав, «...снова принял хозяйский тон и стал именовать себя

¹⁵⁰ А. Олар. Очерки и лекции по истории Французской революции. СПб., 1908, стр. 188—189. Олар отмечает, что декларация была составлена Дантоном.

¹⁵¹ А. Шометт. Указ. соч., стр. 116.

¹⁵² «Archives parlementaires», t. 47, p. 425—427.

¹⁵³ А. Шометт. Указ. соч., стр. 123.

¹⁵⁴ Указание Марата, что идея издания манифеста шла из Тюильри, было правильно. В письме к Ферзену Мария Антуанетта требовала, чтобы немедленно был издан манифест, который объединит множество народа вокруг короля и создаст ему безопасность (A Söderhelm. Fersen et Marie-Antoinette. Paris, 1930, p. 253).

¹⁵⁵ Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 96; «L'ami du peuple», N. 677, 7 août 1792

в своих вызывающих прокламациях верховным главой государства... составил проскрипционные списки известных патриотов»¹⁵⁶.

Уничтожающей критике подверг Марат и Законодательное собрание, которое до сих пор заглушало общественное негодование против измен Людовика XVI, отвергло все требования народа о низложении «вероломного монарха»¹⁵⁷.

Марат отмечал в своем памфлете, что движение за низложение короля приняло всеобщий характер. «Секции столицы вместе с департаментами требуют отрешения короля, отстранения нынешней династии»¹⁵⁸. Таким образом, уже подготовлена почва для низвержения монархии, но для успешного проведения восстания надо спешить, утверждал Марат, пока враги внешние и внутренние не собрались с силами и окончательно не объединились.

В этой же статье Марат начертил подробный план восстания. Он считал, что в первую очередь необходимо захватить и держать в качестве заложников короля с семьей, министров, контрреволюционных депутатов Законодательного собрания и других враждебных революции должностных лиц. По его мнению, это те предатели, которых нация должна прежде всего изолировать, а если в этом будет необходимость, то и уничтожить.

Затем «необходимо овладеть почтой, чтобы можно было быстро осведомить братьев во всех департаментах о тяжелом положении, в котором обретается столица, и потребовать подкрепления для федератов. Не менее необходимым мероприятием является арест всех курьеров, вскрытие всех чемоданов и баулов для получения документальных доказательств измены двора»¹⁵⁹. Это был четкий, хорошо разработанный тактический план восстания.

Хотя после манифеста герцога Брауншвейгского все демократические газеты — как республиканские, так и не республиканские — согласились, что необходимо низвергнуть Людовика XVI, однако ни один из публицистов и ни один из вождей революции не разрабатывал так подробно плана восстания, как это делал Марат.

В эти дни изменилась тактика клубов и секций. Речь шла теперь не о подаче петиций, а о непосредственной подготовке восстания. Народное восстание 10 августа 1792 г., свергнувшее монархию, подготовлялось совершенно открыто. Еще 4 августа секция Кенз-Вэп заявила, что она будет ждать решения собрания относительно низложения короля до 11 часов вечера 9 августа, а потом, если собрание не удовлетворит ее требование, она подымет восстание.

Законодательное собрание в эти бурные дни не проявляло своего отношения к происходившим событиям, а выполняло роль бессильного зрителя и наблюдателя, санкционировав позже результаты восстания, против которого оно было настроено.

В результате всеобщего восстания народных масс Парижа и представителей департаментов под руководством революционной Коммуны, образовавшейся утром 10 августа из комиссаров от 48 секций, к концу дня 10 августа королевская власть была низвергнута. В восстании принимали участие плебейские и мелкобуржуазные массы Парижа. Французская революция поднялась на более высокую ступень.

¹⁵⁶ Там же, стр. 96—97.

¹⁵⁷ Там же, стр. 98.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Ж.-П. Марат. Памфлеты. Изд. Academia, 1934, стр. 636.

К. Маркс отмечал: «В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую... Революция движется, таким образом, по восходящей линии»¹⁶².

Парижане и представители департаментов в этот день совершили восстание, к которому их так часто призывал Марат.

Находясь в подполье, Марат не имел возможности принять участие в восстании 10 августа и войти в сношения с революционной Коммуной, но он внимательно следил за событиями, и уже 11 августа на улицах Парижа была расклеена листовка «Друг народа» — французским патриотам», датированная 10 августа¹⁶³. После падения монархии Марат советовал установить демократическую диктатуру. Он продолжал свою борьбу против действий Законодательного собрания, короля, министров, судей, генералов, офицеров-антидемократов.

На очереди дня стоял вопрос о власти, т. е. какая из партий использует победу народа в своих интересах. Непосредственно после восстания властью обладали два органа — революционная Коммуна и Законодательное собрание с его министрами, большинство которых было жирондистами.

Марат не был ослеплен победой; по-прежнему бдительный, он настоятельно советовал народу не слишком увлекаться успехом и призывал его суметь использовать одержанную победу. «Славный день 10 августа 1792 г. может стать решающим для триумфа свободы, если вы сумеете использовать свои преимущества»¹⁶⁴, — писал «Друг народа» французским патриотам.

Марат считал, что важно закрепить одержанную победу, а для этого необходимо расправиться со всеми врагами революции и не поддаваться голосу ложного сострадания, так как не все враги уничтожены, а многие только притаились и ждут удобного момента, чтобы отомстить подлинным патриотам. Он писал: «Я повторяю вам, бойтесь реакции, ваши враги вас не пощадят, если карты переменятся. Никакого отдыха!»¹⁶⁵

Интересно сравнить точку зрения Марата с позицией Прюдона. «Парижские революции» в № 161—162, описывая важные события, происходившие 10 августа, рисуют будущее Франции в самом розовом свете. Прюдом не видит обострения борьбы партий, начавшейся после 10 августа, за которыми стояли определенные классы. В 164 номере от 25 августа — 1 сентября газета писала: «Будьте мужественны, французы! Никогда момент не был так благоприятен; ничто сегодня не противодействует вашей энергии. Законодательное собрание, исполнительная власть, Коммуна Парижа одушевлены самым чистым рвением, самым настоятельным желанием осуществить свободу. Уже прошло то время, когда отдельная личность думала, что она может спасти родину; родина будет спасена народом»¹⁶⁶.

Марат был значительно прозорливее Прюдона. Одним из самых опасных врагов и после победоносного восстания, по мнению Марата, оста-

¹⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 141.

¹⁶³ С 22 июля до 13 августа 1792 г. вышел только этот номер газеты. Марат очень точно сформулировал в нем, что нужно было сделать восставшим для закрепления одержанной победы.

¹⁶⁴ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 3, стр. 103.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ «Révolutions de Paris», N. 164, p. 381.

залось Законодательное собрание. Если победивший народ не закрепит своей победы, то, пишет Марат 10 августа, «кровь, пролитая сегодня, окажется бесполезной»¹⁶⁷.

Марат предлагает программу действий. По его мнению, если хотят, чтобы происшедшие события принесли пользу, необходимо держать заложниками короля с семьей, арестовать всех бывших министров, казнить всех контрреволюционных офицеров генерального штаба, разружить реакционные батальоны и вооружить всех граждан-патриотов, объявить вне закона эмигрировавших родственников короля и требовать созыва для суда над королем и пересмотра Конституции Национального Конвента, члены которого должны быть избраны не выборщиками, а первичными собраниями¹⁶⁸. Он считал, что в данный момент народный Конвент может явиться тем государственным органом, который будет решать важнейшие государственные дела. Это была, хотя и не новая, но определенная программа действий народа, победившего 10 августа.

После выхода из подполья, Марат продолжал разъяснять смысл происшедших событий и указывал на врагов, против которых необходимо вести борьбу. В газете от 13 августа он помещает статью «Народ, обманутый своими представителями, или новая измена отцов-сенаторов после взятия тюильрийского дворца», в которой доказывает, что большинство членов Законодательного собрания не заслуживает никакого доверия, что они только прикрываются ложными уверениями в сочувствии и поддержке восставших. Он призывает не доверять людям, которые 9 августа были контрреволюционно настроены, а «10-го выдают себя не просто за честных патриотов, но за пламенных ревнителей закона о равенстве... за беззаветно преданных спасению отечества, гибель которого они замыслили». Пока что они молчат, так как еще боятся вооруженного народа и «страх может заставить их надеть на себя маску лицемерия, но переделает ли он сердца злодеев?»¹⁶⁹

Марат призывает не верить им, так как они всегда будут сторонниками деспотизма и кроме измены от них ничего больше нельзя ждать. Он подтверждает все эти обвинения тем, что «со времени взятия тюильрийского дворца почти все акты Законодательного собрания являются новыми хитростями, новыми проявлениями вероломства. Если среди них и есть несколько благотворных декретов, то они у него вырваны»¹⁷⁰.

Марат считает, что революционная Коммуна должна обладать большой властью и разрешать все важные вопросы, ибо она состоит из достойных представителей парижских секций, представителей народа, но она в своей работе должна остерегаться ловушек, которые ей представляют монархически настроенные депутаты Законодательного собрания. Он призывает членов Коммуны: «Оставайтесь на постах ради нашего покоя, для вашей славы, для спасения государства. Не оставляйте руля государственной власти, переданного в ваши руки, пока Национальный Конвент не избавит нас от деспота и его гнусного рода, пока не устранил чудовищных пороков Конституции... пока он не обеспечит политическую свободу на несокрушимой основе»¹⁷¹.

В следующем номере газеты Марат снова пишет, что «плоды этой блестящей победы будут скоро потеряны, если патриоты — депутаты

¹⁶⁷ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 3, стр. 104; «L'ami du peuple», 40 août 1792.

¹⁶⁸ Там же, стр. 104—105.

¹⁶⁹ Там же, стр. 105, 106.

¹⁷⁰ Там же, стр. 112; «L'ami du peuple», N. 678, 13 août 1792.

¹⁷¹ Там же.

Коммуны — не останутся на посту, если они не разовьют всю свою энергию, пока свобода не будет закреплена»¹⁷².

Хотя народ победил и король арестован, но не исключена возможность, что контрреволюция снова подымет голову внутри страны, а чтобы это предупредить, Марат предлагает Коммуне принять следующие меры:

«Вооружить всех честных граждан столицы и приучить их к пользованию оружием, чтобы подготовить Париж к обороне против ударов, которые могут нанести в отчаянии враги».

Создать военный лагерь вокруг Парижа¹⁷³ и овладеть всеми высьотами вокруг него.

Ускорить суд над изменниками, находящимися в тюрьме Аббатства, и справедливо покарать штаб Швейцарской гвардии.

Коммуна должна помешать тому, чтобы декрет, предписывающий продажу имуществ эмигрантов, не превратился в насмешку, должна добиться немедленной распродажи тех имуществ, которые находятся в столице, всех особняков, принадлежащих им в Париже, и Бурбонского дворца, добиться перехода Люксембургского дворца в руки нации и потребовать половины выручки от продажи этих имуществ для раздела между неимущими столицы, способствовавшими взятию Тюильрийского дворца и победе отечества.

«Все честные граждане должны призвать линейные войска потребовать для себя права избрания офицеров, только что предоставленного национальной жандармерии».

«Парижская коммуна должна заняться продовольственной администрацией с тем, чтобы обильно снабдить продовольствием столицу и объявить войну гнусным скупщикам»¹⁷⁴.

Все эти меры, проведенные революционной Коммуной, полагал Марат, должны немедленно улучшить жизнь народа, свершившего революцию и так мало получившего от нее.

Оценивая первые результаты революционной деятельности комиссаров Коммуны, Марат с удовлетворением писал: «Если они будут продолжать с такой же энергией... я буду считать общественное спасение обеспеченным, я буду преспокойно спать и примусь слова за перо только для того, чтобы участвовать в пересмотре Конституции»¹⁷⁵.

Но развивать свою деятельность в этом направлении революционной Коммуне не удалось, так как существовало еще Законодательное собрание, стремившееся подавить инициативу Коммуны и не выпускать власть из своих рук. Поэтому Марат весь огонь своей критики направляет против собрания, предупреждая всех французов, «что Законодательное собрание снова начинает свои адские интриги и проделывает их с бесстыдством, наглостью, дерзостью... чтобы снова надеть на вас цепи...»¹⁷⁶.

¹⁷² Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 3, стр. 116; «L'ami du peuple», N. 679, 16 août 1792.

¹⁷³ Если в июне июле Марат возражал против создания лагеря вокруг Парижа, так как полагал, что федераты могут быть использованы королем и его приспешниками в контрреволюционных целях для борьбы против революции, то после победы восстания и низложения короля он отказался от своих возражений, ошибочных и ранее, и считал теперь необходимым создать такой лагерь для защиты дела революции.

¹⁷⁴ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 3, стр. 117.

¹⁷⁵ Там же, стр. 118.

¹⁷⁶ «L'ami du peuple», N. 680, 19 août 1792.

Марат, выбранный в наблюдательный комитет Коммуны по борьбе с контрреволюцией, сам развивал кипучую деятельность и призывал к участию в ней всех патриотов и сторонников революции. Но для проведения успешной борьбы с врагами, которые «еще не добиты, но притаились... и собирают свои силы», необходимо вооружение всего народа, чтобы враги не застали патриотов врасплох. Обращаясь к населению столицы и страны, он призывает: «Вставайте, французы, желающие жить свободно, вставайте, вставайте, для того, чтобы уничтожить изменников. Это единственное средство для спасения родины»¹⁷⁷.

Таким образом, Марат — буржуазный демократ — последовательно требовал уничтожения монархии во Франции во время Законодательного собрания и указывал, что народное восстание — единственный способ, при помощи которого можно добиться свержения монархии. Он считал, что с низложением Людовика XVI в стране должна быть установлена диктатура одного или нескольких лиц, пользующихся доверием народа. В свете дальнейших событий французской революции и развития взглядов самого Марата это требование революционной диктатуры трибуна, назначенного народом и опирающегося на народ, можно признать зачаточной, примитивной формой идеи революционно-демократической диктатуры, позже, в 1793 г., в иной и гораздо более развитой форме утвердившейся в стране¹⁷⁸.

Какие же можно сделать выводы о тактике Ж.-П. Марата в первый период революции и особенно во время деятельности Законодательного собрания?

В своей борьбе за углубление и развитие революции Марат приближался к пониманию роли классов и классовой борьбы в историческом развитии государства.

Марат принадлежал к левому крылу якобинцев. Он с первых же дней революции выступил защитником интересов широких народных масс, непримиримым борцом против сил реакции, против тайных изменников, против непоследовательности и колебаний крупной буржуазии.

Марат был народным трибуном, выразителем и защитником интересов народа. Он намечал пути и боролся за разрешение задач буржуазной революции плебейскими методами¹⁷⁹. Он понимал желания широких масс народа, их интересы в происходившей социальной и политической борьбе.

Вместе с тем Марат очень далек от идеализации народа. Часто в газетах, письмах, памфлетах он указывал на его слабые стороны и недостатки. Критикуя народ за его «трусость и слабость», умеренность в действиях, нежелание открыто выступить против врагов революции, Марат все время подчеркивал, что народные массы не используют своих естественных прав, особенно таких, как сопротивление тирании, право на восстание.

Марат был мастером революционной тактики. Значение и сила его выступлений заключались в том, что он ясно и четко определял основные вопросы, за разрешение которых необходимо было бороться в интересах революции. Глубоко вникая в события и правильно понимая задачи революции, Марат через газету, письма, памфлеты направлял народ-

¹⁷⁷ Ibidem.

¹⁷⁸ А. З. Манфред. Указ соч., стр. 58.

¹⁷⁹ Там же, стр. 67.

ные массы против тех врагов, которые на данном этапе были наиболее опасными.

Начиная с конца 1789 г. и особенно в 1792 г., Марат указывал, что только путем массового вооруженного восстания народ сможет добиться удовлетворения своих политических и социальных чаяний. Борьба против властей, которые не защищают интересов нации — неотъемлемое право, обязанность, долг народа.

Считая, что только массовое вооруженное восстание может привести к победе революции, Марат на всех этапах уделяет много внимания вопросам подготовки и организации такого восстания. Он неоднократно писал, что для успешного развития восстания необходимо, чтобы оно было всеобщим, согласованным, решительным, целеустремленным. Главное же — это действовать решительно и без колебаний. В этом залог успеха восстания.

Революционные выступления Марата в 1792 г. сыграли несомненную роль в политической подготовке народного восстания 10 августа, низвергнувшего монархию во Франции.

Ж.-П.Марат. Письма 1776-1793

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82064711.htm>

Ж.-П.Марат. План уголовного законодательства

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/marat8.pdf>

Ж.-П.Марат. Проект Декларации прав человека и гражданина с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf>

Ц.Фридлянд. Ж.-П.Марат до Великой французской революции

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf>

А.Герцензон. Уголовно-правовая теория Марата

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat6.pdf>

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf

Г.Цверева. Марат как естествоиспытатель

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf>

Ссылки на другие материалы о Марате:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>